

и новых неологизмов с «благо» и «бог»: «богопосланный совет», «богомудрый брат», «боголюбивая душа», «богохвальные песни», «богомудрый», «боголепный»; любит сложные эпитеты: «небопарный орел», «злославные еретики», «многосльзные источники», многие из которых, вероятно, и сам создает по примеру греческих. Подражание стилю св. Писания яснее всего проявляется в полисиндетах: «в мире и в светини, и в великом въздржании, и в превеликом съмерении и страсе божии» и т. п.

Все эти особенности литературного языка и технические средства для усиления эмоциональности и экспрессии у Доментяна вполне укладываются в ту общую концепцию характера агиографического стиля XIV—XV вв., которую построил Д. С. Лихачев.¹⁷⁷ Он ставит появление этого стиля в органическую связь с воззрениями патриарха Евфимия на метод переводов с греческого и с его реформой литературного языка, правописания и графики — требованиями максимальной связи с греческим языком и через него с греческой культурой, единым непогрешимым хранителем вечной истины. В литературе, как и в остальных областях культурной жизни того времени (в изобразительных искусствах, церковной жизни и идейных течениях) отражается общее мистическо-философское воззрение эпохи: «в веществеѣ телеси носити невестественое», как это сформулировано в житии основателя исихазма Григория Синаита. Слово должно представлять сущность явления, быть адекватным содержанию понятия. Слова, которыми изображается «святое», должны быть сами святы, «подобны» описываемому, дабы они вызвали благоговение перед святостью. Житие должно в перипетиях земной жизни святого представить его небесную сущность; повесть должна стать иконой, абстрагирующей святость подвижника. В отличие от современного понимания задач искусства, которое, по Карлейлю, служит удовлетворению «жажды конкретности», искусство средневековья «в своих церковных жанрах стремится разрушить конкретность явлений, характеризуется стремлением к отвлеченному изложению, к художественной абстракции».¹⁷⁸ Из этого воззрения на цель агиографического произведения проистекают постоянные сомнения автора, сможет ли он выполнить принятое на себя огромное задание, жалобы на ограниченную выразительность слова и недостаточную силу средств речи; обилие цитат из св. Писания и трафаретные комплексы выражений, образов и стилистических фигур, заимствованных из литургического словаря, чтобы вызвать ассоциации с привычными религиозными представлениями и богословскими понятиями; в описании бытовой стороны — намеренное устранение конкретных данных, которые могут отвлечь внимание от главного — деталей быта, политики, военной и хозяйственной терминологии, географических данных и обстановки исторических событий. В русской агиографии XV столетия литературный талант Епифания Премудрого сливает абстрагирование богословской мысли с абстрагированием религиозного чувства, которое проявляется в напряжении эмоциональности до состояния экзальтации.¹⁷⁹

Эта общая характеристика главных особенностей стиля житийной литературы эпохи «второго южнославянского влияния» может быть в полной мере применена и к литературному стилю Доментяна. Кроме приведенных данных о его литературном языке, базирующемся на лексике, фразеологии и стилистических фигурах Псалтири, следует подчеркнуть и общее воззрение этого писателя на задачи его литературного труда, вполне со-

¹⁷⁷ Лихачев, стр. 1—67.

¹⁷⁸ Там же, стр. 30.

¹⁷⁹ Там же, стр. 55—58.